

Путешествіе блаж. Іеронима съ Павлоу и ся спутниками по св. мѣстамъ востока въ 385—388 годахъ ¹⁾.

Обычай путешествовать во св. землю. Характеристика блаж. Іеронима и Павлы. Павла съ своими спутниками присоединяется къ Іерониму и его собратіямъ—въ Ангіохіи. Приготовленія къ путешествію въ Палестину. Отправленіе чрезъ приморскую Сирію и Финикію. Сарепта, Итолемаида, Кесарія. Іоппія и ея древнія воспоминанія—Андромеда, пр. Іона. Караванъ направляется къ Іерусалиму чрезъ Аримаосю и Идду. Ученые раввины Идды. Екмаусъ, Веоронъ, Гаваонъ. Гробница Елены, царицы адіабенійской.—Іерусалимъ іудейскій; его описаніе, перемены въ немъ. Іерусалимъ христіанскій; св. гробъ, Голгофа, церковъ креста. Хожденіе Павлы во храмъ; ея восторгъ у св. гроба. Гора Сіонъ; развалины града Давидова. Гора Морія; развалины храма Соломонова.—Отправленіе на югъ Палестины. Визеель, хожденіе къ вертепу Спасителя. Адеръ, Веосуръ, источникъ Филипповъ, долина Ескольская. Прибытіе въ долину мамврійскую. Дубъ Авраамовъ; гробница патріарховъ. Видъ Мертваго моря и мѣста проклятыхъ городовъ. Караванъ возвращается въ Іерусалимъ долиною кедронскою. Хожденіе на гору елеонскую.

Обычай ходить на поклоненіе ко св. мѣстамъ востока ведетъ свое начало съ первыхъ временъ христіанства. Жестокіе указы Адріана, вторично разсѣявшаго іудеевъ и превратившаго Іерусалимъ въ языческій городъ *Элію Капитолину*, не могли совершенно пресѣчь этихъ благочестивыхъ путешествій. Но съ запада подобныя путешествія совершались не часто, и умножились только тогда, когда обращеніе Констан-

¹⁾ Изъ сочиненія Амедея Тьерри: Saint Jerome. Paris. 1867. Въ біографіи блаж. Іеронима, предпосланной изданію его сочиненій въ русскомъ переводѣ (Труды К. Д. Ак. 1860 № 1—3), этотъ любопытный эпизодъ изъ его жизни изложенъ очень вѣрно, — только на двухъ страницахъ.

тина къ христіанству открыло для нихъ полную возможность. Тысячи западныхъ христіанъ устремились тогда по слѣдамъ св. Елены, увлекаемые то духомъ времени, то любопытствомъ, то ревностію къ христіанству. Они хотѣли проникнуться священными воспоминаніями христіанства, а также посмотрѣть памятники, воздвигнутые матерью императора на мѣстахъ искупленія въ честь Богу, Которому столь долго запрещено было поклоняться въ римской имперіи. Въ теченіе IV вѣка непрерывно двигались съ запада на востокъ толпы поклонниковъ или пилигримовъ. Поклонники изъ Италіи отправлялись обыкновенно моремъ, чтобы плыть или въ Антиохію сирійскую, откуда уже пробирались въ Палестину, или прямо въ Іоппію, по нынѣшнему въ Яффу. Сухопутная дорога предпочиталась поклонниками изъ Испаніи, Галліи, Британіи; они шли въ Константинополь долинами Дуная и Фракіи, а изъ Константинополя въ Малую Азію и Сирію.

Изъ всѣхъ западныхъ поклонниковъ, посѣщавшихъ въ IV столѣтіи св. мѣста востока, самыми замѣчательными безспорно были блаж. Іеронимъ съ своею сопутницею Павлою. Не подлежитъ сомнѣнію ихъ глубокое, непритворное благочестіе, доходившее по временамъ, при созерцаніи св. мѣстъ, до восторженности: не менѣе замѣчательна ихъ ученая любознательность, побуждавшая ихъ искать и находить въ св. мѣстахъ востока живой комментарій на библейскія повѣствованія. Но что всего дороже для насъ въ этомъ путешествіи, такъ это то, что оно описано самовидцемъ и главнымъ участникомъ онаго, блаж. Іеронимомъ, въ разныхъ мѣстахъ его краснорѣчивыхъ твореній, и особенно въ похвальномъ словѣ въ память Павлы, и это описаніе живо знакомитъ насъ и съ Палестиною и съ палестинскими поклонниками IV вѣка.

Но прежде чѣмъ обратимся къ описанію путешествія, скажемъ нѣсколько словъ о самихъ путешественникахъ.

Современники не оставили намъ портрета блаж. Иеронима; но мы можемъ возсоздать его образъ, при помощи его сочиненій, и въ особенности его писемъ. Мы воображаемъ его художавое лице, отъ природы блѣдное, хотя нѣсколько загорѣлое подъ лучами азіатскаго солнца; волосы Иеронима были короткіе и прямые, тѣло слабое, здоровье, на которое онъ постоянно жаловался, подорвано чрезмѣрными аскетическими подвигами въ халкидской пустынѣ. Постоянная одежда Иеронима была черная суконная; сверху набрасывалась греческая туника, также темнаго цвѣта. Вопреки обычаямъ римскаго клира, любившаго роскошныя кушанья, Иеронимъ съ особенною настойчивостію соблюдалъ строгія правила сирійскихъ монастырей, и не могъ говорить безъ нѣкотораго пренебреженія о западныхъ монахахъ, которые не умѣли поститься. Но его строгое воздержаніе было обязательно только для него самого; по отношенію къ другимъ эта строгость замѣнялась снисходительностію, особенно по отношенію къ женщинамъ, въ которыхъ Иеронимъ осуждалъ слишкомъ суровые или продолжительные подвиги воздержанія.—Рѣчь Иеронима была одушевлена и обильна, и его полемическія сочиненія, диктуемая обыкновенно безъ приготовленія скорописцамъ, которые едва поспѣвали писать за нимъ, представляютъ намъ довольно вѣрно его живую бесѣду, полную тонкихъ или язвительныхъ остротъ, литературныхъ оборотовъ, выдержекъ изъ писателей священныхъ и свѣтскихъ. Слогъ Иеронима, соотвѣственно вкусу эпохи, былъ пропитанъ старинными словами и оборотами, къ которымъ онъ примѣшивалъ грецизмы евангелія и гебраизмы Ветхаго Завѣта, и изъ этого смѣшенія выходило какое-то краснорѣчіе, странное и грубое, но могучее своимъ величіемъ, можно сказать—своею безмѣрностію, поражающее умъ и заставляющее молчать критику. Поэтому-то Еразмъ, мужъ ученый и обладавшій тонкимъ умомъ, осмѣли-

вался ставить Иеронима выше Цицерона. Никакой писатель лучше Иеронима не сознавалъ современныхъ пороковъ; онъ ихъ анализируетъ и преслѣдуетъ шагъ за шагомъ съ тонкою наблюдательностію Теофраста, горячимъ негодованіемъ Ювенала и комизмомъ Плавта. Характеръ Иеронима былъ мраченъ, раздражителенъ, капризенъ въ самой любви; но одно слово нѣжности укрощало самое сильное его раздраженіе.

Въ 385-мъ и слѣдующихъ годахъ блаж. Иеронимъ совершалъ уже свое второе путешествіе по Палестинѣ. Первое путешествіе на востокъ онъ совершилъ въ 372-мъ и слѣдующихъ годахъ, и тогда прожилъ не малое время въ подвигахъ аскетизма въ пустынѣ халкидской.

Сопутница втораго путешествія бл. Иеронима по св. мѣстамъ востока, Павла, была итальянская уроженка, и еще въ Италіи пользовалась знакомствомъ и расположеніемъ Иеронима. Павла была безмѣрно богата и происходила изъ знатнѣйшей фамиліи, которая имѣла своими предками съ одной стороны Сципіоновъ и Гравховъ, съ другой—полубаснословныхъ царей спартанскихъ и микенскихъ. Въ 35-тилѣтнемъ возрастѣ оставшись вдовою послѣ грека Токсоція, Павла была поражена столь глубокою скорбію, что нѣкоторое время опасались за ея жизнь. Отъ брака съ Токсоціемъ у Павлы было шестеро дѣтей; изъ нихъ пять осталось въ живыхъ: три взрослые дочери—Блезилла, Павлина и Евстохія одна маленькая, Руфина, и мальчикъ, по имени Токсонцій, также какъ и отецъ его. Возвышенность мыслей и чувствованій соединялась въ Павлѣ съ нѣжностію тѣла и утонченностію привычекъ, быть можетъ чрезмѣрными. Гречанка столько же, сколько и римлянка, воспитанная среди богатства, равнаго которому не было на западѣ, Павла съ самаго младенчества вела изнѣженный, совершенно азіатскій образъ жизни: она ходила не иначе, какъ поддерживаемая или—лучше сказать—носимая

руками своихъ свнуховъ. Возвышенность ея чувствованій сохранила ее отъ опасностей свѣта; хотя она принимала участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ и подчинялась всѣмъ условіямъ своего положенія, но ни одна римлянка ея вѣка и круга не пользовалась репутаціею болѣе безукоризненною. Ея умъ болѣе правильный и изящный, чѣмъ живой, позволялъ себѣ иногда довольно ѣдкия остроты; но ея душевное благородство и нѣжпость были источникомъ ея нравственнаго достоинства. Эта женщина, казавшаяся такъ слабою и охотно поддававшаяся чувству дружбы, находила въ себѣ непобѣдимую силу въ борьбѣ съ деспотизмомъ и своекорыстными сплетнями своихъ близкихъ. Образованіе Павлы было широко и основательно; она говорила по гречески, какъ на природномъ языкѣ, и знала по еврейски довольно хорошо для того, чтобы читать въ подлинникѣ и пѣть псалмы Давидовы, что было любимымъ занятіемъ тогдашнихъ христіанъ.

Въ августѣ 385 года Іеронимъ навсегда простился съ Римомъ, называя вѣчный городъ вторымъ Вавилономъ. Павліанъ, младшій братъ Іеронима, пресвитеръ Викентій и нѣсколько иноковъ рѣшились отправиться вмѣстѣ съ нимъ на востокъ. Велѣдъ за Іеронимомъ отправилась изъ Италіи и Павла, чтобы сопутствовать ему при путешествіи по св. мѣстамъ. Вмѣстѣ съ Павлою была дочь ея Евстохія и нѣсколько дѣвъ. Сборнымъ мѣстомъ была назначена Антіохія.

Когда Павла и ея спутницы прибыли въ Антіохію, то всѣ ихъ римскіе друзья—Іеронимъ, священникъ Викентій, братъ Іеронима и римскіе монахи—спутники Іеронима, уже находились тамъ. Антіохійскій епископъ Павліанъ изъявилъ желаніе помѣстить отрасль Сципіоновъ (т. е. Павлу съ ея семействомъ) въ своихъ епископскихъ покояхъ. Благородныя римлянки скоро осмотрѣли все, что могло ихъ занимать въ

провинціальному городѣ. Антиохія была великолѣпна, но не для нея оставили онѣ Римъ. Слово, постоянно повторяемое ими, было—*Іерусалимъ*, а единственное желаніе ихъ—достигнуть поскорѣе этого города.

Напрасно Іеронимъ и Павлинъ возражали, что среди зимы не возможно ѣхать, что въ горахъ чрезвычайно холодно, и покатоesti Ливана загромождены снѣгомъ; Павла все-таки рѣшилась ѣхать. Надо было позаботиться устроить караванъ, потому что тогда, какъ и теперь, въ странахъ, сосѣднихъ Аравіи и Ливану, путешествовали цѣлыми общинами. Всѣ западные пришельцы, бывшіе въ Антиохіи, должны были участвовать въ путешествіи, а также и нѣкоторые изъ восточныхъ друзей Іеронима; Павлинъ же, обремененный занятіями и лѣтами, принужденъ былъ остаться въ Антиохіи.

Изъ этого города къ границамъ Палестины было два пути: одинъ, поднимаясь по теченію Оронта, пролегалъ по большой вогнутой долинѣ, называемой греками Келе-Сирія, т. е. изрытая Сирія, и раздѣлялся на двѣ части—на лѣво къ Дамаску, и на право къ Финикіи и Бейруту черезъ поперечныя долины Ливана; другой путь окаймлялъ Средиземное море и прямо достигалъ до Бейрута. Первый путь конечно былъ короче, но, несмотря на большіе города и отряды войскъ, разставленные на Оронтѣ, былъ не совсѣмъ безопасенъ для путешественниковъ. Случалось, особенно близъ Аравіи, что на караванъ неожиданно нападали сарацины верхомъ на лошадяхъ или дромадерахъ, грабили имущества и путешественниковъ уводили въ плѣнъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, караванъ, состоявшій изъ семидесяти особъ—мужчинъ, женщинъ и дѣтей, былъ разграбленъ и уведенъ въ пустыню, гдѣ приходилось или давать за себя выкупъ, или же оставаться въ плѣну.

Приморскій путь былъ безопаснѣе, но труднѣе: дорога узкая, извилистая, почти пробитая среди скалъ, была изрыта потоками и во многихъ мѣстахъ промыта моремъ. Павла избрала послѣдній путь, по которому обыкновенно ходили богомольцы, тогда какъ по первому исключительно купцы.

Путешественники простились съ епископомъ Павлиномъ, съ которымъ имъ послѣ уже не пришлось увидѣться, и вышли изъ Антиохіи мимо Дафны, этого знаменитаго по нечестивымъ мистеріямъ мѣста, мимо котораго наши богомольцы проходили съ ужасомъ. Мужчины запаслись, по своему желанію, лошадьми, ослами или верблюдами; молодыхъ дѣвушекъ несли въ носилкахъ; Павла рѣшилась ѣхать на ослѣ.

«Было удивительно (говорить историкъ этого путешествія, Іеронимъ) видѣть на этомъ грубомъ животномъ женщину нѣжную, которая такъ не давно ходила поддерживаемая своими евнухами». Путники быстро прошли приморскую Сирію. Въ Финикіи Бейрутъ также не задержалъ ихъ.—Первая остановка ихъ была по ту сторону Сидона—въ Сарептѣ, которая, подобно обсерваторіи, возвышалась надъ моремъ. Здѣсь нѣкогда укрывался пророкъ Ілія во время продолжительнаго голода, и бѣдная вдова, восхваляемая въ священномъ Писаніи, питала Божьяго человѣка хлѣбомъ изъ неоскудѣвающихъ муки и масла. Прибывъ въ г. Тиръ, путешественники поспѣшили сейчасъ же къ морскому берегу, гдѣ преклонялъ колѣни апостолъ Павелъ съ своими собратіями, на пути изъ Тира въ Іерусалимъ: наши путники также преклонили здѣсь колѣна и цѣловали этотъ освященный песокъ. Птоломей, которую сиріане называли Акко, и которая до сихъ поръ носитъ названіе Акка или Акра, возбудила также много воспоминаній объ апостолѣ Павлѣ, который изъ этого города отправился въ іерусалимское темничное заключеніе.

Потомъ они обогнули большую гору Кармилъ, выдающуюся мысомъ въ Средиземное море. Эта знаменитая гора у пророковъ была символомъ плодородія, въ противоположность безплоднымъ степямъ. *Будетъ время*, говорилъ Исаія въ одной изъ своихъ пророческихъ пѣсней, *когда Шаронъ сдѣлается пустыней; когда Кармилъ не будетъ покрытъ ни травами, ни плодами* (Ис. 33. 9). У подошвы горы путники могли различить, среди пастбищъ, окруженныхъ лѣсами, бѣлыя пещеры, служившія убѣжищемъ пророку Иліи. Древній городъ Доръ, на югѣ этой горной цѣпи—старинная крѣпость евреевъ противъ сирійскихъ царей,—оставилъ по себѣ память только грудой своихъ развалинъ, предъ которыми Павла остановилась въ нѣмомъ изумленіи. Наконецъ путники добрались до Кесаріи, называвшейся тогда Стратоновой башней. Греко-сирійскій городъ превратился въ римскій, построенный Иродомъ въ честь Августа, и сдѣлавшійся, благодаря своимъ мраморнымъ дворцамъ и гавани, лучшимъ городомъ во всей Азіи. Въ Кесаріи, послѣ разрушенія Іерусалима Титомъ, основало свое мѣстопробываніе провинціальное правительство; въ IV вѣкѣ здѣсь жилъ консулъ, управлявшій тремя провинціями.

Такъ какъ духовная и гражданская іерархія почти всегда идутъ рука объ руку, то и кесарійская епархія была первою во всей Палестинѣ,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторые знаменитые епископы прославили Кесарію,—между прочими приближенный имп. Константина Евсевій, кесарійскій уроженецъ, извѣстный своими историческими трудами. Хотя Іеронимъ не слишкомъ уважалъ характеръ Евсевія, но отдавалъ справедливость его ученымъ трудамъ, потому что переводилъ съ примѣчаніями трактатъ Евсевія о извѣстныхъ мѣстахъ Іудеи, и слѣдовалъ ему, какъ вѣрному руководителю. Кесарія по разнымъ обстоятельствамъ была тогда средоточіемъ христіан-

ской учености въ святой землѣ; въ то же время Тиверіада, о которой мы будемъ говорить, считалась средоточіемъ еврейской учености. Въ III-мъ вѣкѣ въ Кесаріи жилъ Оригенъ, и бібліотека этого города хранила, какъ сокровище, манускриптъ изъ его *Гексаплъ*, считавшійся лучшимъ изданіемъ библейскаго текста. Іеронимъ воспользовался случаемъ познакомиться съ *Гексаплами* и отмѣтить для себя главнѣйшіе варианты.

Мы увидимъ, что это былъ обыкновенный пріемъ мудраго путешественника, который предпринималъ путешествія столько же для науки, сколько для благочестія. *Часто путешествовать*, говорилъ Іеронимъ, *значитъ желать учиться*.

Именемъ Ирода, которое красовалось въ Палестинѣ на великолѣпнѣйшихъ памятникахъ зодчества, были отмѣчены также многія развалины. Этотъ великій строитель городовъ и дворцовъ, губившій дѣтей своихъ изъ ненависти и женъ изъ любви, хотѣлъ считаться настолько добрымъ сыномъ, насколько былъ дурнымъ отцомъ. Онъ посвятилъ памяти своего отца Антипатра городъ Антипатриду, находившійся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Кесаріи. Іеронимъ съ своими друзьями посѣтилъ Антипатриду, и нашелъ здѣсь только слѣды разрушенія. Да и вообще путешествіе по Іудеѣ было очень печально; вездѣ встрѣчались развалины, произведенныя то войнами евреевъ противъ Сиріи и Египта, то войнами римлянъ противъ іудеевъ,—слѣды прежнихъ опустошеній Тита и послѣдующихъ—Адріана. Ни одна страна въ мірѣ не была такъ обогрета кровью, какъ Палестина. Кажется, сама природа позаботилась здѣсь принять видъ печали, который описываетъ Іеронимъ и въ которомъ наши пилигримы находили соотвѣтствіе съ своими понятіями о землѣ, преданной проклятію. Однакожъ съ этою страной было соединено столько великихъ, священныхъ для каждаго христіанина воспоминаній, что они

сообщали жизнь и прелесть развалинамъ и неодушевленной природѣ.

Посѣтивъ домъ сотника Корнилія, обращенный въ церковь, и жилище трехъ дочерей ап. Филиппа, дѣвственницъ, обладавшихъ даромъ пророчества, Павла съ своею дружиною оставила страну кесарійскую. Они шли теперь по изобильной, обѣтованной землѣ: нужно было бы путешествовать по этой землѣ съ двумя книгами завѣта въ рукахъ; но они такъ твердо знали завѣтъ, что тотчасъ же припоминали всякое библейское происшествіе. Магеддонскія поля напомнили имъ тотчасъ смерть Іосіа, этого послѣдняго добраго царя изъ рода Давидова. Наши путники представляли себѣ, какъ среди этой долины царь Іосіа на военной колесницѣ сѣлся отразить идущаго на Сирію египетскаго царя Нехао, и упалъ съ колесницы, пораженный въ грудь смертоносною стрѣлою.

Ужасныя послѣдствія его смерти для іудейскаго царства, великолѣпіе царскихъ похоронъ, грусть народа, вопли дочерей израильскихъ (1 Царст. 26, 29; Паралип. 35, 22, 24) весь этотъ трогательный библейскій рассказъ еще занималъ ихъ и тогда, когда они пришли въ Іопцію.

Іопція, теперь—Яффа, была собственно еврейскимъ городомъ изъ всѣхъ встрѣчавшихся доселѣ на пути городовъ. Она была самою торговою гаванью въ Палестинѣ, и однимъ изъ самыхъ старинныхъ городовъ въ мірѣ. По еврейскимъ преданіямъ предполагалось основаніе Яффы еще до потопа, а восточная мифологія давала ей мѣсто въ своихъ сказаніяхъ. Тамъ Іона сѣлъ на корабль, желая убѣжать отъ лица Божія, тамъ Андромеда была выставлена нагою на съѣденіе морскимъ чудовищамъ, и потомъ освобождена Персеємъ. Съ одной стороны гавани показывали любопытнымъ берегъ, гдѣ киликійскіе купцы взяли на свой корабль злополучнаго пророка, а съ другою—большой, остроконечный подводный камень, о

который свирѣно разбивались волны морскія: это скала Андромеды.

Если первая мысль нашихъ набожныхъ римлянокъ была объ Іонѣ, то вторая была конечно объ Андромедѣ. Приключеніе преслѣдуемой красавицы, спасенной молодымъ воинкомъ—будь это изъ міеологіи или изъ исторіи—всегда будетъ интересовать женщинъ.

Нашихъ путешественниковъ очень привлекала мѣстность, находившаяся, по словамъ книги Дѣяній апостольскихъ, *близъ моря*; это домъ кожевника Симона, гдѣ святой Петръ, въ знаменательномъ видѣніи, получилъ отъ Бога повелѣніе наставлять въ вѣрѣ язычниковъ. Жилище кожевника было замѣнено изящною часовнею, которую постоянно посѣщали богомольцы: наши путешественники также не преминули отправиться туда. Съ вершины холма, на склонѣ котораго стоялъ городъ, имъ представилось великолѣпное зрѣлище. Оттуда глазъ обнималъ громаду іудейскихъ горъ, возвышающихся уступами, въ родѣ полукружія, до іерусалимскихъ горъ, образующихъ крайнюю высоту. Путешественникъ могъ заранѣе видѣть отсюда святой городъ; это должно было возбудить въ Павлѣ и ея друзьяхъ сильное желаніе поспѣшить къ цѣли своего путешествія. Оставивъ Яффу, они прошли по Шаронской долинѣ, розы которой упоминаются въ писаніи; но зима только что окончилась, и Шаронъ не наполнялъ еще воздуха благоуханіями цвѣтовъ. На пути встрѣтились двѣ замѣчательныя мѣстности: на право—Аримаетея, отечество праведнаго человѣка, который удостоился уступить гробницу свою Христу, на лѣво—Номва, по выраженію Іеронима, похожая болѣе на склепъ, чѣмъ на городъ,—древнее левитское селеніе, всѣхъ жителей котораго царь Саулъ въ ярости велѣлъ избить за то, что они объявили себя приверженцами Давида. Здѣсь караванъ путешественниковъ не остановился. Въ Діо-

полѣ они оставались долѣе. Въ стѣнахъ Діополя, по еврейскому названію—Лидды, находился человѣкъ, которымъ Іеронимъ чрезвычайно дорожилъ; это былъ ученый еврей, который могъ сообщать свѣдѣнія о мѣстностяхъ, посѣщаемыхъ Іеронимомъ, и отвѣчать на всѣ его вопросы. Раввинъ, жившій въ Лиддѣ, былъ уважаемъ своими соотечественниками столько же за нравственныя достоинства, сколько за ученость. Іеронимъ сошелся съ нимъ, и въ послѣдствіи вызвалъ его въ Виллсему, чтобы вмѣстѣ прочесть книгу Іова; по еврей не давалъ даромъ своихъ уроковъ, и Іеронимъ жаловался, что заплатилъ нѣсколько дорого за полученную пользу. Свою любознательность, удовлетворенную въ Лиддѣ, Іеронимъ старался удовлетворять въ продолженіе всей дороги. Если онъ не находилъ ученыхъ, то, обыкновенно, обращался къ туземнымъ проводникамъ. Съ чистосердечною радостью рассказываетъ онъ намъ, какъ, по указаніямъ какого-то еврея, онъ открылъ настоящую мѣстность одной деревеньки, о которой долго спорили толкователи Библіи. Во время путешествія Іеронимъ дѣлалъ памятныя замѣтки, которыя стали послѣ очень полезны, и доставили его сочиненіямъ относительно библейскаго текста драгоцѣнный характеръ достовѣрности. Путники отправились далѣе, и достигли мѣстечка Еммаусъ, гдѣ воскресшій Іисусъ явился своимъ ученикамъ въ преломленіи хлѣба. Нѣсколько далѣе чрезъ узкую долину Газскую они увидали Бефоронтъ, расположенный на кособорѣ и раздѣленный на верхній и нижній городъ: онъ былъ основанъ Соломономъ и «низпровергнутъ», какъ выражается Іеронимъ, «бурею войцъ». Оттуда путники пришли на мѣсто битвы Іисуса Навина съ ханаанеями, въ которой, чтобы истребить пять царей съ ихъ народами, вождь евреевъ остановилъ солнце и луну. Наши путники старались представить себѣ это чудо, рассматривая Аялонъ и Гаваонъ, которые рисова-

лись направо отъ нихъ. Вспомнили также участь хитрыхъ гаваонитянъ, сдѣлавшихся водопосцами и дровосѣками среди израильскаго народа въ наказаніе за свою хитрость. Дорога привела нашихъ путниковъ въ Гаваонъ. Съ печальными воспоминаніями прошли они по мѣстности, гдѣ началась страшная исторія, возбужденная левитомъ изъ Ефраима изъ-за насилуванія и умерщвленія его жены; но имъ нужно было въ послѣдствіи прочесть одну за другой всѣ сцены этой трагедіи, а теперь имъ было не-когда. Они не пожелали также осмотрѣть оставшійся влѣво надгробный памятникъ Елены, царицы адіабенійской, которая, доставляя хлѣбъ іудеямъ во время голода, просила въ награду похоронить ее въ Іудеѣ. Наконецъ, глазамъ путниковъ представился давно желанный городъ, называемый на оффиціальному языку имперіи и въ свѣтской исторіи, *Эмля Капитолина*, но для всякаго христіанина и іудея не имѣющій другаго названія, кромѣ Іерусалима.

Нашихъ путниковъ ожидала встрѣча у воротъ города. Прокопсулъ, начальникъ города, узнавъ о прибытіи Павлы, семейство которой было ему извѣстно, послалъ ей на встрѣчу почетный конвой съ приглашеніемъ въ преторію, гдѣ ей было приготовлено помѣщеніе. Павла отказала предупредительному проконсулу. Ей казалось сообразнѣе съ смиреніемъ поклоницы избѣгать, по возможности, величія и роскоши, и она избрала для себя и друзей скромный домикъ, вѣроятно находившійся вблизи святаго гроба.

Іерусалимъ, въ началѣ Іевусъ Салемъ, претерпѣлъ много измѣненій со времени завоеванія его у іевусеевъ Давидомъ, перенесшимъ туда ковчегъ завѣта. Этотъ іудейскій Іерусалимъ, знаменитый, счастливый при первыхъ царяхъ, скоро сталъ подвергаться длинному ряду ужасныхъ несчастій, отъ внутреннихъ безпорядковъ и внѣшнихъ враговъ, до тѣхъ поръ пока пожаръ, воспламененный Титомъ, не истребилъ города

вмѣстѣ съ храмомъ. Іерусалимъ снова поправился, но кажется только для того, чтобы подвергнуться еще большимъ бѣдствіямъ послѣ іудейскаго возмущенія, въ царствованіе Адріана. Тутъ былъ его конецъ. Пришлые иноплеменики заняли мѣсто іудеевъ, изгнанныхъ и разсѣянныхъ; даже земля, на которой стоялъ Іерусалимъ, была перекопана.

Ученикъ греческихъ софістовъ и самъ софістъ—Адріанъ понималъ, что жизненность этого города, такъ часто разрушаемаго, но все таки снова возрождавшагося, зависитъ отъ религіи, и онъ хотѣлъ поправить обѣ, одинаково несправедливыя имъ религіи—іудейскую и христіанскую, святилищемъ которыхъ былъ Іерусалимъ. Свою вражду къ іудейству Адріанъ высказалъ надъ развалинами храма Соломонова, приказавъ поставить на мѣстѣ святая-святыхъ двухъ идоловъ. Свою вражду къ христіанству онъ выразилъ надъ Голгофою и другими памятниками страданій Христовыхъ. Голгофа, находившаяся какъ мѣсто казни, за оградю древняго Іерусалима, была включена въ составъ новаго города и сравнена съ общимъ уровнемъ земли; пещера гроба, гдѣ лежало тѣло Спасителя до Его воскресенія, и водоемъ, куда іудеи поспѣшили, предъ наступленіемъ субботы, бросить крестъ Его, были скрыты подъ грудю мусора, а на площадѣ, образовавшейся изъ этого мусора, возвысились два языческіе храма и два алтаря—одинъ Юпитеру Капитолійскому, другой—Венерѣ, покровительницѣ кесарей.

Между тѣмъ какъ новый городъ, включая въ составъ свой Голгозу, распространялся къ сѣверу и западу, онъ уменьшался съ южной стороны, оставляя внѣ своихъ предѣловъ Сіонъ, городъ Давида, и гору Моріа, городъ Соломона и мѣсто храма. Преобразованный такимъ образомъ, городъ былъ названъ по имени императора и бога, которому императоръ посвящалъ его, *Эмія-Капитолина-Адріана*; іудеи

были изгнаны оттуда подь страхомъ смерти: это былъ языческій Іерусалимъ.

Это пограние христіанской вѣры въ ея священномъ городѣ продолжалось около двухъ вѣковъ: Константинъ поспѣшилъ возвратить вѣрнымъ мѣста священныхъ и дорогихъ воспоминаній. Языческіе идолы были уничтожены на Голгоѣ вмѣстѣ съ ихъ храмами. Площадка, вырытая и вычищенная, открыла пещеру гроба, садъ, гдѣ находилась эта пещера, и мѣсто, гдѣ лежатъ крестъ: груда камней, оказавшихся послѣ разчистки Голговы, была, говорятъ, такъ велика, что ея достало на сооруженіе паружной стѣны на сѣверной сторонѣ города.

Крестъ Господень былъ также найденъ: императрица Елена приняла на себя трудъ поисковъ и, руководимая то іерусалимскимъ архіересомъ, то іудейскими учеными, коротко знакомыми съ древностями своей родины, открыла водоемъ, гдѣ лежали, какъ попало, три креста. Возстановивъ въ прежнемъ видѣ святія мѣста христіанства, Константинъ воздвигнулъ огромный храмъ, заключившій всѣ св. мѣста въ окружности одной стѣны. Этотъ храмъ сдѣлался средоточіемъ христіанской части города, которая мало по малу стала распространяться болѣе и болѣе, и знаменіе Бога, распятаго іудеями, заблестало на этомъ третьемъ Іерусалимѣ, вѣдѣ предѣловъ котораго остались гора Сіонъ и храмъ Соломоновъ.

Ко времени прибытія Іеронима и Павла, христіанскій Іерусалимъ достигъ высшей степени своего процвѣтанія. Щедрость наслѣдниковъ Константина и стеченіе богомольцевъ, приходившихъ съ щедрыми приношеніями со всѣхъ частей свѣта, обогатили городъ. Но вмѣстѣ съ богатствомъ возрастала распущенность нравовъ. Въ толпѣ іерусалимскихъ обитателей смѣшивались всѣ сословія, всѣ народности; варваръ сталкивался съ римляниномъ, плебей съ консуломъ,

свободный съ рабомъ, блудница съ знатной дамой, православный съ еретикомъ; не было ни порядка, ни общеобязательныхъ правилъ, и подъ предлогомъ евангельской свободы каждый могъ безнаказанно нарушать гражданскіе законы. Можно бы подумать, что святой городъ сдѣлался притономъ воровъ, убійцъ, отребія со всего востока. Современники совершенно согласно изображаютъ намъ самую печальную картину іерусалимскаго общества, и вотъ что говоритъ великій епископъ Григорій Нисскій, бывшій тамъ нѣкоторое время. «Эту страну, получившую залогъ истинной жизни, я вовсе не нашелъ очищенною отъ терній, напротивъ я нашелъ въ ней всевозможные пороки. Тамъ царствуетъ злоба, измѣна, варварство, идолопоклонство, отравы, зависть и въ особенности убійство. Люди тамъ съ звѣрскою свирѣпостію убиваютъ другъ друга изъ-за самыхъ ничтожныхъ денегъ, и, благодаря ослабленію всѣхъ общественныхъ связей, преступленіе совершается тамъ легче, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ». (Greg. Nyss. De non eund. Hierosol t. III. p. 653. Ed. Par. 1638).

Состояніе вѣры въ Іерусалимѣ было не лучше состоянія нравственности. Аріанство посѣяло здѣсь сѣмена раздѣленія. Великій іерусалимскій епископъ Кириллъ всю жизнь свою провелъ въ борьбѣ съ соперниками, которыхъ поддерживали еретики, и возвратилъ миръ своей несчастной паствѣ, только благодаря своей настойчивости и твердости. Этотъ воинствующій епископъ уже приближался къ смерти, когда Іеронимъ и Павла прибыли въ Іерусалимъ, и мы увидимъ, что кончина его была причиною многихъ несчастій для іерусалимской церкви и непріятностей для нашихъ путешественниковъ.

Знатные путешественники, при всемъ своемъ желаніи, не могутъ скрыться отъ любопытной толпы,—и дочь Сципіо-

новъ, отправившись въ благочестивомъ настроеніи духа съ своими друзьями въ храмъ Константиновъ, замѣтила, что на нее устремлены взоры всего города. Настоящая церковь святаго гроба не только не представляетъ собою громаднаго и знаменитаго храма Константинова, но даже не даетъ и понятія о томъ, что было въ IV вѣѣ создано первымъ христіанскимъ императоромъ. Храмъ Константина сооруженъ былъ, по его плану, самыми искусными зодчими и украшенъ съ роскошью поистинѣ царскою. Ничего не осталось теперь похожаго на то, что было прежде, потому что храмъ Константина два или три раза подвергался разрушеніямъ. Но современники рассказали намъ такъ подробно о первоначальномъ зданіи, что мы можемъ воспроизвести его въ мысляхъ съ совершенною точностію. Храмъ, куда отправлялись Іеронимъ и Павла, былъ обращенъ съ запада на востокъ и заключалъ въ своихъ предѣлахъ три главные памятника страданій Христовыхъ: крестъ, Голгоѳу, мѣсто смерти Христовой, и гробницу—мѣсто воскресенія. Поэтому храмъ раздѣлялся на три части, и назывался то святая Гробница, то Голгоѳа, то церковь Креста. Въ предѣлахъ храма Константинова находились—двѣ церкви, крещальня для младенцевъ, двѣ паперти и множество галлерей.

На западной оконечности храма Константинова находилась часовня святаго Гроба, построенная надъ пещерой, въ которой лежало тѣло Христово. Она была круглая, и крыша ея поддерживалась колоннами изъ цѣльнаго камня чрезвычайной красоты. Константинъ желалъ, чтобы и внутреннія стѣны часовни св. гроба, также мраморныя, были усыпаны драгоценными камнями, чтобы, какъ говорить намъ современникъ этого императора, «блескомъ этихъ драгихъ камней нагляднѣе представлялась нашимъ взорамъ свѣтлость воскресенія». Пещера находилась посредиѣ, совершенно

отдѣльно отъ стѣнъ зданія, и была обложена кругомъ мраморомъ. Преддверіе, обыкновенная принадлежность іудейскихъ гробницъ, было уничтожено, такъ что можно было прямо проникнуть въ склепъ. Камень, о которомъ упоминается въ евангеліи, придвинутый ко входу пещеры Іосифомъ Аримаѳейскимъ и снятый ангеломъ во время воскресенія, камень, на которомъ женщинамъ, пришедшимъ ко гробу утромъ, явился ангелъ въ бѣлой одеждѣ,—лежалъ не вдалекѣ, разломанный на двое.

При выходѣ изъ часовни гроба, къ востоку, находилась четырехъ-угольная вымощенная мозаиками площадка, длина и ширина которой равнялась двадцати шагамъ, или такому разстоянію, черезъ которое можно перебросить камень. Огромная галлерей заключала ее въ своей окружности, за исключеніемъ восточной стороны, примыкающей къ церкви креста. Это четырехъ-угольное мѣсто называлось Лобнымъ мѣстомъ и также вертоградомъ, потому что дѣйствительно это были остатки тѣхъ садовъ, которые отдѣляли, по свидѣтельству евангелія Іоанна, Голгоѳу отъ гробницы. Можно было видѣть огромную скалу, какъ бы расколотую топоромъ; говорили, что въ эту разщелину былъ водруженъ крестъ. Эта часть храма возникла вслѣдствіе особыхъ воспоминаній, возбуждаемыхъ именемъ Голгоѳы, и была такъ обширна, что вмѣщала не малое число вѣрныхъ, и епископы могли удобно произносить здѣсь свои катихизическія поученія.

Далѣе, къ востоку отъ площадки, находилась еще болѣе обширная церковь, построенная на самомъ мѣстѣ обрѣтенія креста Господня и называемая этимъ именемъ. Константинъ желалъ, чтобы церковь во имя креста Господня была лучшимъ памятникомъ въ христіанскомъ мірѣ, и не жалѣлъ ничего для исполненія этого желанія: выборъ мрамора и даже

простыхъ камней, кровля, рисунки внутри храма,—все было проектировано съ удивительною щедростію.

Мы знаемъ, что зданіе оканчивалось у сводовъ куполомъ, гдѣ было двѣнадцать мраморныхъ колоннъ, на которыхъ стояли огромныя вычеканенныя изъ серебра вазы, что среди церкви, также стояли мраморныя колонны, поддерживавшія раскрашенный и раззолоченный потолокъ, представлявшій собою небо, а кровля была свинцовая. Съ наружной стороны стѣны были изъ изящнаго, полированного гранита, который могъ соперничать съ мраморомъ. По боковымъ сторонамъ располагались два ряда галлерей. Три двери вели на вторую площадку, также окруженную галлерееми, а оттуда открывался выходъ на главный рынокъ города. Подземная церковь, сооруженная подъ поломъ, представляла собою тѣже составныя части и продолжалась до внѣшнихъ портиковъ. Въ этомъ подземельѣ царица Елена обрѣла крестъ Господень, тамъ же и хранили часть его. Половину крестнаго дерева эта вѣрующая и любящая мать заключила въ статую сына своего, на верху порфировой колонны, въ Константинополѣ, а одинъ изъ гвоздей креста велѣла бросить въ Адриатическое море, чтобы укротить навсегда бури. Не благоразумная щедрость іерусалимскихъ епископовъ также чрезвычайно уменьшила ту половину крестнаго дерева, которая была имъ оставлена. Остатки крестнаго дерева были положены въ серебряный ковчегъ, ключъ отъ котораго сначала хранился у епископа, а послѣ у протоіерея, на которомъ лежала отвѣтственность за священное сокровище. Разъ въ годъ (но не въ одно и тоже число) ковчегъ торжественно переносили въ верхній храмъ, и оставляли святое древо на поклоненіе вѣрнымъ: это называлось праздникомъ *Воздвиженія креста*; но случалось, что, кромѣ этихъ торжественныхъ дней, имѣвшимъ особую извѣстность богомольцамъ позволялось и въ другіе

дни видѣть и почитать поклоненіемъ памятникъ спасенія рода человѣческаго. Конечно, Іеронимъ и Павла получили такое позволеніе. Въ церкви креста, Павла, распростершись предъ спасительнымъ древомъ, была проникнута сильнымъ душевнымъ волненіемъ. «Весь Іерусалимъ—говоритъ Іеронимъ—былъ свидѣтелемъ ея слезъ, ея стоновъ, ея искренней скорби: Спаситель, которому она молилась, былъ тѣже свидѣтелемъ этого». Въ храмѣ гроба Господня, она бросилась къ камню, который закрывалъ входъ въ пещеру, обвила его руками, и никто не могъ бы отнять ее отъ него; но когда она проникла въ самую пещеру и колѣни ея преклонились на мѣстѣ погребенія Спасителя, она обвила руками каменное возвышеніе, на которомъ лежало святое тѣло, и лишилась чувствъ; потомъ, собравшись съ силами, она покрыла поцѣлуями эти безжизненные камни; она съ горячимъ чувствомъ припадала къ нимъ устами, какъ будто къ ручью, утоляющему жажду, котораго такъ долго искала.

Посѣщая святые мѣста, Павла всегда испытывала подобныя волненія. «Она съ трудомъ отрывалась отъ однихъ святыхъ мѣстъ», говоритъ очевидецъ, «и то съ тѣмъ, чтобы отправиться въ другія». Осмотрѣвъ все въ (христіанскомъ) Іерусалимѣ, наши путники рѣшились взобраться на южный холмъ Сіона, и перенестись въ воспоминанія отъ печальныхъ происшествій новаго завѣта къ болѣе радостнымъ событіямъ ветхаго. Но какое великолѣпіе могъ представить тогда этотъ, такъ возвеличенный царемъ-пророкомъ Сіонъ! Ограды не было, и пробраться туда можно было съ большимъ трудомъ—черезъ кустарники и развалины. Подойдя къ главнымъ воротамъ и поднявшись на груды камней и мусору, наши путешественники остановились въ печальномъ удивленіи. Они, казалось, спрашивали другъ друга: это ли врата Сіона, любимыя Господомъ больше всѣхъ селеній Іакова? Но такъ было

только одно мгновеніе. Одинъ изъ путниковъ, вѣроятно Іеронимъ, отвѣчая тайнымъ помысламъ прочихъ, поспѣшилъ объяснить, что у нихъ предъ глазами земной Сіонъ, кратковременный, бранный, какъ и всѣ люди, устроивавшіе его, между тѣмъ какъ Писаніе говоритъ о духовномъ Сіонѣ, твореніи Бога, нерушимомъ, какъ Самъ Творецъ. На платформѣ было полное опустошеніе. Ни дворца, ни крѣпости Давида не было, даже дворецъ Ирода исчезъ: и плугъ прошелъ по ихъ основаніямъ. Виднѣлись только поля и нѣсколько садовъ, огражденных остатками царскихъ развалинъ. Это было осуществленіе пророчества Исаи о томъ, что тыквы возрастутъ тамъ, гдѣ недавно блистали роскошь и цари. Изъ семи синагогъ, находившихся въ Сіонѣ, осталась только одна, и то разрушенная и необитаемая. Среди картинъ разрушенія, памятникъ новой вѣры какъ будто торжествовалъ надъ опустошеніями времени и людей. Это былъ двухъ-этажный домъ, гдѣ Іисусъ совершилъ тайную вечерю съ своими учениками, и гдѣ черезъ пятьдесятъ дней послѣ воскресенія сошелъ Духъ Святый на сто двадцать учениковъ Его. Называемый тогда *трапезою*, домъ этотъ былъ обращенъ въ церковь, куда собиралось очень много христіанъ. Наши путешественники также отправились туда, и видѣли въ крытой галлерей колонну, къ которой, по преданію, былъ привязанъ для бичеванія Іисусъ; показывали даже на ней слѣды крови.

Посѣтили ли они послѣ Сіона, города Давидова, Моріа, городъ Соломона, и развалины храма? Вѣроятно,—да, хотя Іеронимъ не упоминаетъ объ этомъ, потому что посѣщеніе храма Соломонова было обычно и даже нѣкоторымъ образомъ обязательно для іерусалимскихъ поклонниковъ. Въ такомъ случаѣ наши путники могли видѣть громадищныя груды развалинъ и двѣ статуи Адріана, возвышающіяся на мѣстѣ святая святыхъ, какъ памятникъ оскверненія святыни. Между

алтаремъ и папертью проводники показывали паломникамъ капли крови священника Захаріи, которыя, по словамъ одного стариннаго паломника (*Stineraire de Bordeaux*), сохранили совершенно алыи цвѣтъ. Показывали также большой расколониый камень, къ которому ежегодно собирались іудеи, поминали его, рыдали надъ нимъ, разрывали свои одежды, и за это дорого платили городскому начальству. Между другими достопримѣчательностями, паломникамъ показывали подъ основаніемъ древняго храма подземную тюрьму, гдѣ Соломонъ будто бы запиралъ демоновъ и мучилъ ихъ, чтобы сдѣлать ихъ покорными своей волѣ. Это суевѣрное преданіе, имѣвшее полную силу въ IV вѣкѣ, существовало уже и въ первомъ: о немъ свидѣтельствуетъ историкъ Іосифъ. Восточныя сказки о чародѣйствѣ мудрѣйшаго изъ царей получили свое начало очень давно ¹⁾).

Путешественники наши спѣшили увидѣть Виолеемъ и ясли: тайна рождества Христова привлекала ихъ, особенно послѣ созерцанія тайны Его смерти и воскресенія. Предполагалось также обойти всѣ замѣчательныя мѣста на югѣ Іерусалима, въ древнемъ царствѣ іудейскомъ. Это трудное и длинное путешествіе требовало довольно значительныхъ приготовленій; не большой караванъ паломниковъ снова устроился и отправился изъ Іерусалима въ томъ же видѣ, въ какомъ и возшелъ въ него.

Путники расположились отдыхать, прошедши полторы мили отъ Іерусалима, возлѣ могилы Рахили, лежащей нѣсколько вправо отъ виолеемской дороги. Тамъ умерла злополучная супруга Іакова, давъ жизнь своему младенцу, названному ею *Бенони*, т. е. сынъ скорби; но отецъ въ порывѣ святаго упованія на Бога захотѣлъ назвать его *Веніаминомъ*,

¹⁾ Эти сказки развиты и обставлены разными баснями подобнаго рода въ Талмудѣ.

т. е. сыномъ десницы. Здѣсь конечно для Павлы, перенесшей столько ужасныхъ испытаній, была минута тяжелыхъ воспоминаній о своемъ прошедшемъ: Іеронимъ представляетъ намъ ее склонившеюся съ нѣмою печалью надъ этой могилой, вызывавшей такъ много печальныхъ чувствъ. Послѣ непродолжительнаго отдыха, растрепаннаго душевныя рапы Павлы, путники отправились въ Вифлеемъ.

Отечество Давида, городъ когда-то процвѣтавшій, превратился теперь въ очень обыкновенную деревню, расположенную на отлогомъ холмѣ, вершина котораго и противоположная сторона были нѣкогда покрыты лѣсомъ. Въ этомъ лѣсу было много пещеръ, которыя по восточному обычаю служили загонами для стадъ и убѣжищемъ для окрестныхъ пастуховъ и запоздалыхъ путниковъ. Въ ночь, открывшую для міра начало спасенія, въ одномъ изъ болѣе обширныхъ вертеповъ пріютились Іосифъ и Марія, не нашедъ свободной гостиницы въ городѣ;—и здѣсь родился Искупитель.

Еще съ первыхъ временъ евангельской проповѣди, пещера Вифлеема была для христіанъ предметомъ благоговѣнія и благочестивыхъ посѣщеній, до тѣхъ поръ пока императоръ Адріанъ, извѣстный осквернитель христіанской святыни, не посвятилъ лѣсъ и пещеру мистеріямъ Адониса. Пещера, въ которой родился пречистый Спаситель, сдѣлалась тогда святилищемъ самаго нечестиваго язычества. Судьба вертепа, гдѣ родился Христосъ, была такова же, какъ и судьба Голгофы. Константинъ очистилъ то, что осквернилъ Адріанъ. Императрица Елена, возвративъ христіанству пещеру рождества Христова (точно также какъ возвратила пещеру смерти Его), велѣла выстроить надъ нею церковь, которая могла соперничать съ іерусалимскимъ храмомъ, по крайней мѣрѣ роскошью, если не громадностію размѣровъ. Подражая іерусалимскому храму въ устройствѣ вифлемеяской церкви, императрица Елена

вмѣстила внутри церкви вертепъ рождества Христова; къ нему съ обѣихъ сторонъ алтаря вела витая лѣстница, а посредствомъ устроенныхъ въ скалѣ переходовъ онъ соединялся съ окружающими пещерами. Въ этотъ-то вертепъ пошли тотчасъ же наши паломники: и скоро Іеронимъ и Павла, Евстохія и всѣ остальные уже молились передъ мѣстомъ рождества Христова. Распростертая на камнѣ виолеемскомъ, погруженная въ созерцаніе великаго таинства, совершившагося на мѣстѣ, которое было предъ ея глазами, Павла находилась въ состояніи сильнѣйшаго восторга, когда человѣкъ, отрываясь отъ дѣйствительной жизни, вступаетъ уже въ міръ видѣній. Тоже состояніе испытывала Павла прежде и при святомъ гробѣ, и въ церкви Креста Господня. «Клянусь тебѣ»—говорила она Іерониму, стоявшему возлѣ нея на колѣняхъ—«я вижу святаго Младенца: вотъ Онъ; Дѣва-мать беретъ его въ свои объятія; съ какою нѣжностію заботится о ней престарѣлый Іосифъ! Я слышу первый крикъ Младенца; вдали раздаются шаги пастуховъ и пѣніе ангеловъ». Она видѣла также, казалось ей, волхвовъ, ихъ дары, чудесную звѣзду, блистающую надъ пещерою. Потомъ зрѣлище перемѣнилось. Вмѣсто радости—кровь и слезы: разъяренный Иродъ отдавалъ приказаніе убивать всѣхъ младенцевъ; воины съ мечемъ въ руцѣхъ отрывали ихъ отъ груди матерей; Іосифъ и Марія бѣжали въ Египетъ. Павла плакала, радовалась и молилась въ одно и то же время.

Вдругъ она воскликнула: «привѣтствую тебя, Виолеемъ, справедливо названный *домомъ хлѣба*, потому что здѣсь рожденъ истинный хлѣбъ жизни! Привѣтъ тебѣ, Евфраѣа плодоносная,—дѣйствительно плодоносная, потому что самъ Богъ былъ тебѣ жатвою!» Павла припомнила при этомъ всѣ пророческія мѣста Писанія, и говорила ихъ по-латыни, по-гречески, по-еврейски, однимъ словомъ—какъ они ей прихо-

дили въ голову; припоминали съ нею и ея благочестивыя по-
други. Онѣ припомнили о волѣ и ослѣ стихъ Исаи: «волъ
позналъ своего хозяина, а оселъ ясли своего господина» и
еще: «счастливы тотъ, кто сѣсть при водахъ, гдѣ волъ по-
оселъ погружали ноги свои». При словахъ псалмопѣвца
«вотъ мы слышали, что онъ былъ въ Евфраѣ, и нашли его
посреди лѣсовъ» (Пс. 131, 6), Павла, произносившая этотъ
стихъ, остановилась, и, обращаясь къ Иерониму, сказала: «за-
мѣтилъ ли ты, что я перевела *его*, а не *ее*—*αὐτὸν*, а не *αὐτήν*
(она говорила по гречески), разумѣя Іисуса, а не мать Его,
потому что по еврейски $\bar{\text{ה}}$ означаетъ и мужескій родъ, какъ
ты училъ меня; видишь ли, я не забыла твоихъ уроковъ» ¹⁾.
Такъ у этихъ удивительныхъ путешественниковъ знаніе шло
рука объ руку съ самыми восторженными порывами благоче-
стія. Друзья Павлы съ трудомъ уговорили ее оставить эти
мѣста, гдѣ какъ будто приковывало ее какое-то тайное
предчувствіе. Казалось, что вся ея послѣдующая судьба от-
крывалась глазамъ ея, когда она пророчески взывала: «какая
я бѣдная грѣшница сподобилась цѣловать ясли, гдѣ раздался
первый плачъ моего Господа! Здѣсь будетъ мое жилище, по-
тому что мой Спаситель избралъ здѣсь свое, и отечество
моего Бога будетъ также мѣстомъ моего покоя!» Благородная
иностранка, пришедшая съ холмовъ Тибра, конечно безсо-
знательно, но совершенно вѣрно опредѣлила этими словами
мѣсто своего перехода къ вѣчному покою. Побуждаемые не-
терпѣніемъ, наши путники пошли далѣе; пройдя 500 шаговъ,
дошли они до мѣста, называемаго башнею Адера, гдѣ были
пастбища Іакова, и гдѣ пастухи, бодрствуя въ ночь Рожде-
ства Христова, слышали пѣснь примиренія между небомъ и
землею. Не останавливаясь здѣсь, путники вышли на старую

¹⁾ Кажется, относительно этого стиха (Пс. 131, 6) было разногласіе у
толкователей св. Писанія. Павла сѣдовала мнѣнію своего учителя.

дорогу, ведущую къ городу Газѣ. Вивера доставила имъ хоропій пріютъ возлѣ источника, гдѣ свнухъ царицы Кандакии, обращенный въ христіанство Филиппомъ, по выраженію Іеронима, перемѣнилъ духовную кожу. Эта мѣстность была рѣдкой красоты. Вытекавшій изъ скалы ручей падалъ сейчасъ же въ широкій и глубокій водоемъ, куда могли взойти оба—Филиппъ и свнухъ, для крещенія черезъ погруженіе; изъ водоема ручей вырывался широкимъ водопадомъ, и скрывался въ расщелинахъ ближайшихъ скалъ. Древняя филистимская страна, съ столицею Газою, представляла мѣста памятные еврейскими войнами и подвигами сильнаго Сампсона. Путники осмотрѣли любопытнѣйшіе изъ этихъ памятниковъ, потомъ, поверотивъ къ востоку, пошли по виноградной долиніѣ Ескольской, восхищаясь ея виноградниками. Здѣсь посланные Моисеемъ въ обѣтованную землю соглядатаи сорвали виноградную лозу и замѣчательную кисть съ ягодами, которую, повѣсивъ на палку, съ трудомъ несли на плечахъ два человѣка. Такого чудеснаго винограда уже не было, но виноградники Эсколы всегда славились своимъ плодородіемъ.

Изъ Эсколы путники перешли въ огромную мамврійскую долину,—древнее мѣстопробываніе Авраама, увѣковѣченное *разказами книги Бытія*

Общее на всемъ востокѣ уваженіе окружало эту колыбель многихъ восточныхъ народовъ: ее посѣщали не только жители всей Іудеи, но даже язычники изъ-за Іордана, изъ Идумеи, Аравіи, изъ пустынь, населенныхъ измаильтянами; и это уваженіе вскорѣ приняло характеръ суевѣрія. Мамврійское дерево, подъ которымъ Авраамъ принималъ своихъ святыхъ гостей на пути ихъ въ Содомъ, сдѣлалось, съ теченіемъ времени, предметомъ суевѣрнаго поклоненія; вѣтви его вѣчно были обвѣшаны приношеніями по обѣту и другими дарами: дереву поклонялись, какъ идолу.

Императоръ Константинъ думалъ остановить это идолопоклонство, срубивъ дерево и на мѣсто его построивъ христіанскую церковь; но идолопоклонство не уничтожилось: стали поклоняться сосѣдному дереву. Со временъ Авраама мамврійское дерево безчисленное множество разъ измѣняло свою породу и мѣсто. Во времена Авраама это былъ дубъ; во времена историка Іосифа—терпентинное дерево; терпентинное же дерево срубилъ Константинъ; теперь паломникамъ показывали опять дубъ, и, сидя подъ тѣнью его, Іеронимъ могъ разсказать своимъ спутникамъ только что описанныя мною подробности, которыми я воспользовался отчасти изъ его сочиненій.

Путники оставили мамврійскую долину, посѣтивъ впрочемъ сначала *двойную пещеру*, купленную Авраамомъ, чтобы похоронить тѣло Сарры, и, пройдя довольно крутую гору, взонили въ городъ Хевронъ. Одинъ изъ древнѣйшихъ ханаанскихъ городовъ, онъ назывался на еврейскомъ языкѣ *Каріаѳ* — *Арбы*, т. е. городъ четырехъ человѣкъ, потому что онъ заключалъ четыре могилы: Авраама, Исаака, Іакова и также великаго Адама, отца рода человѣческаго, хотя по другимъ преданіямъ гробъ Адама находится подъ самой Голгофой. Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ были погребены вмѣстѣ съ своими женами, Саррой, Ревеккой и Лией; касательно Евы не говорится ничего—была ли она погребена возлѣ Адама. Существовавшій тогда надгробный памятникъ, украшенный чуднымъ мраморомъ, былъ сдѣланъ іудеями; христіане же прибавили къ нему церковь.—Наши путники очень любовались водоемами, вырытыми когда-то Гоошіломъ по обѣимъ сторонамъ долины, для орошенія ея бесплодныхъ мѣстъ. Это замѣчательный памятникъ искусства древнихъ евреевъ и заботъ ихъ о земледѣліи. Воображеніе нашихъ путешественниковъ, возбуждаемое мистическими толкованіями, старалось и здѣсь

видѣть символъ крещенія, воды котораго оживотворили ветхозавѣтное безплодіе.

На другой день послѣ поѣздки къ водоемамъ Гоеоніила, Павла пожелала отправиться въ городъ Благословенія (Каеар—Варуха), откуда, оказывая послѣднюю дань гостепріимства святымъ посѣтителемъ, Авраамъ показалъ имъ Содомъ. Когда взошло солнце, наши путешественники взобрались на вершину холма. Великолѣпная и вмѣстѣ съ тѣмъ печальная картина поразила ихъ. Они видѣли оттуда Мертвое море и мѣсто или, лучше сказать, могилу проклятыхъ городовъ—Содома, Гоморы, Адамы и Сеоиома. У ногъ ихъ рисовался Еггадди, окруженный благоуханными полями, называемыми у Содомона «вертоградомъ ароматовъ».

Далѣе къ югу, надъ опаснымъ спускомъ Скорпіона, путники увидѣли Сигоръ, сравниваемый въ священномъ Писаніи съ трехъ-годовой телкой, а далѣе къ западу—горы Сеира и ихъ пустыни, населенныя дѣтьми Измаила. Показывая въ отдаленіи Сигора пещеру, гдѣ опьяненный своими дочерьми Лоть далъ бытіе племени Моава, Павла съ волненіемъ говорила своимъ молодымъ подругамъ: «видите ли, до чего можетъ довести невоздержаніе? Вино бываетъ причиною ужасныхъ преступленій; не пейте его!».

Путешествіе по древней Іудеѣ окончилось; паломники снова направили путь по направленію къ Іерусалиму, по берегу Мертваго моря, мимо Текуи, родины пророка Амоса, и по теченію Кедрона. Путешествуя, они продолжали вести назидательные разговоры, не исключавшіе впрочемъ и веселости; и даже Павла, обыкновенно задумчивая, обнаруживала при остроумныхъ рѣчахъ спокойную веселость. Предлагали ей осмотрѣть, возлѣ Хсврона, старый городъ, расположенный на довольно крутой горѣ, и называвшійся по еврейски Каріае—Сеферъ, ученый городъ, потому что во времена хана-

неянъ здѣсь жили жрецы, а во времена израильтянъ—левиты. Павла отказалась, потому ли что не чувствовала любопытства, или боялась усталости. «Ученый городъ»!—сказала она смѣясь—«мы не нуждаемся въ немъ. Можно пренебрегать буквою убивающею, когда есть духъ животворящій». Шутки Іеронима были болѣе проникнуты горечью. Претерпѣвъ такъ много преслѣдованій отъ римскаго духовенства, и возстававшій тогда противъ неумѣренности священниковъ и сластолюбія монаховъ, онъ не жалѣлъ при случаѣ сатирическихъ намековъ. Проходя однажды съ своими друзьями чрезъ Бетѳагію, одинъ изъ главнѣйшихъ городовъ левитскихъ, онъ ѣдко замѣтилъ, что это слово по еврейски означало *городъ рта*.

Паломники прошли югъ Палестины; имъ извѣстна была уже сѣверная полоса, граничившая съ Средиземнымъ моремъ; оставалось только осмотрѣть средину Палестины, Самарію и Галилею, также Іорданную долину до Мертваго моря. Это новое путешествіе было принято безъ всякаго колебанія. Павла была неутомима; она не только переносила самую тяжелую верховую ѣзду, но даже по цѣлымъ часамъ шла пѣшкомъ и взбиралась на самыя высокія горы. Сопровождавшія ее женщины были молоды и притомъ оживлены набожнымъ любопытствомъ. Было рѣшено сначала отправиться на гору (Масличную) Елеонскую, узкія и скалистыя тропинки которой не испугали нашихъ путниковъ.

Перейдя долину Іосафатову съ лѣвой стороны, въ мѣстахъ покрытыхъ виноградниками, и оставивъ въ сторонѣ скалу, на которой Іуда Искаріотскій предалъ своего Учителя, они прошли между масличными и пальмовыми деревьями до того холма, откуда воскресшій Іисусъ вознесся на небо. Они вошли въ церковь, построенную Еленою во имя Вознесенія. Церковь имѣла круглую форму, была не очень велика, но великолѣпно отдѣлана. Іеронимъ замѣтилъ, что куполь церкви

былъ открытъ, и по этому случаю разсказалъ бывшее въ ходу еще со временъ Константина преданіе, что ни одинъ зодчій при устройствѣ купола не могъ задѣлать пустое пространство, на томъ мѣстѣ, гдѣ вознеслось тѣло Христово. Кромѣ того, здѣсь же Іеронимъ отчетливо изложилъ своимъ друзьямъ древній обычай евреевъ сжигать ежегодно на Масличной горѣ рыжую телицу и разсѣвать пепель ея въ искупленіе грѣховъ Израиля. Іеронимъ также припомнилъ, что пророческое видѣніе Іезекіиля о херувимахъ храма Соломонова, переселившихся на Масличную гору и построившихъ тамъ новый храмъ, исполнилось сооруженіемъ храма Вознесенія. Съ вершины горы взглядъ отдыхалъ на великолѣпныхъ картинахъ Іудеи, и можно было видѣть монастырь, гдѣ жилъ Руфинъ. Было ли здѣсь свиданіе нашихъ путниковъ съ Руфиномъ и Меланією—объ этомъ ничего не говоритъ Іеронимъ, описывавшій свое путешествіе уже тогда, когда жестокая вражда раздѣляла его съ Руфиномъ. Но если это свиданіе было, то конечно здѣсь вслѣдствіе дружескихъ бесѣдъ съ Меланіей, только что возвратившейся изъ Египта, Павла предприняла свое великое путешествіе въ Египетъ, совершенное ею въ слѣдующемъ году.

(Окончаніе будетъ).

Т.

